

Россия - актуальные воспоминания

Время определяется страстью или размышлением.

Ф. ЭНГЕЛЬС

Бывают времена, которые, говоря сегодняшним языком, становятся своего рода знаковыми периодами в истории тех или иных обществ и стран, формирующими на многие годы интеллектуальное и духовное лицо наций и народов. В России таким «осевым» временем стали 20-40-е годы XIX века.

Объяснение этому мы можем дать исходя из того, что именно в это время в России выходило на авансцену исторического бытия или формировалось поколение людей, которому было суждено своими деяниями решительно изменить судьбы страны и придать ее развитию тот неповторимый колорит, последствия которого мы вполне ощущаем и поныне. Это было время, когда с наследием Державина, с усилиями Карамзина и талантом Жуковского, с развившимся вполне гением Пушкина страна стала во вполне развитых формах понимать свою культурную самобытность, духовные начала и осознавать свою провиденциально-историческую уникальность.

Характерной особенностью переживаемого периода является то, что в нем, возможно, происходит смена или трансформация как социально-исторических, так и религиозно-культурных эпох.

Понимание этого дает нам возможность понять и то, что это время - время подведения некоторых итогов. Первым понял это для своего времени в середине 30х годов прошлого века еще Чаадаев. Результатом этого понимания вышло опубликование им в журнале "Телескоп" в 1836г. своих знаменитых "Философических писем",¹ в которых он с беспощадной иронией, тонкой наблюдательностью и неподдельной грустью выносит нелюбимый приговор состоянию и перспективам своего отечества. С концептуальных историко-философских позиций осмыслил он переживавшееся тогда Россией время как «*время остановившихся часов и умолкнувших звуков*»² символами («гиероглифами») которого (а во многом и всей русской истории)

1 Полное название «Философические письма к знакомой даме» (авт.)

2 Невольно вспоминаются «остановившиеся звуки» - этот излюбленный мотив стихов Блока, Мандельштама и Юродского

этот автор видел «Царь-колокол», никогда не звонивший, и «Царь-пушку», никогда не стрелявшую.

Другой приметой того времени в глазах наших современников является приобщение, порой в драматических формах, к общественной жизни целого поколения, возвращенного университетской средой в относительно либеральных условиях (особенно в первой половине, 20х годов, в царствование Александра I).

Попробуем же и мы углубиться в ту духовную и интеллектуальную атмосферу, в которой проходили этапы своего становления такие выдающиеся личности Российской культуры и социальной жизни как Лермонтов, Герцен, Белинский, Грановский, Тургенев, Огарев, Хомяков, Аксаков и целый ряд других.

Реформы начала века и университетское образование.

Вступив на престол, Александр выступил против деспотизма и самодурства отца, обещал проводить политику “по законам и сердцу” своей бабки Екатерины II. Он восстановил отменённые Павлом “Жалованные грамоты” дворянству и городам, объявил широкую амнистию. Был вновь разрешён свободный въезд и выезд за границу, ввоз иностранных книг, отменялись ограничения на торговлю с Англией и раздражавшие людей регламентациями в быту, одежде, общественном поведении и т. д. Эти меры сразу создали Александру славу либерала.

Забота о просвещении была выдвинута в качестве одной из первоочередных задач правительства Александра I еще в первое пятилетие XIX века. В 1802 году был учрежден Казанский университет, в 1804 - Харьковский. Таким образом, в России, где недавно был один лишь Московский университет, теперь - с Виленским (польским) и Дерптским (немецким) - с 1804г. существовало уже шесть высших учебных заведений.

О размерах и быстроте распространения просвещения в то время красноречиво говорит объем казенных ассигнований на нужды образования; в то время как при Екатерине II самый крупный годовой отпуск на просветительные цели (1790г.)

составил 780 тыс. руб. в год, в 1804г. было отпущено 2 800 тыс.руб.¹ Ясно, что даже с поправкой на тогдашнюю инфляцию, это все равно в разы больше.

К этому же времени относится и издание первого университетского устава (1804г). Устав этот был основан на принципе уважения к науке и к свободе преподавания и давал автономию университетским советам, которая была в дальнейшем значительно ограничена в конце царствования Александра I, но все же сохраняла свои позиции вплоть до начала 30х годов XIX века, когда она была отменена уже при Николае. По Уставу 1804г. университетские советы поставлены были во главе всех средних и низших учебных заведений округа, которых тоже было в России шесть по количеству университетов и с центрами соответственно их местоположению. Им принадлежала непосредственная власть в деле распространения и направления просвещения в их округах. Попечители же являлись не администраторами в собственном смысле слова. А сановниками, жившими в Петербурге и там представлявшими нужды каждого округа и лишь следившими за общим ходом дел на местах.

Не удивительно, что уже в это время российские университеты становятся средоточием культурной жизни и интеллектуальной элиты страны. В частности при них открылся целый ряд научных, литературных и филантропических обществ. Это "Общество любителей российской словесности", основанное Д.Языковым при Московском университете; общество любителей математики, основанное Михаилом Муравьевым, тогда 15летнего студента, превратившееся потом, под руководством его отца Н.Н.Муравьева, в вольное учебное заведение для "колонновожатых", которое послужило колыбелью русского Генерального штаба и имело большое значение в истории тайных обществ 20х годов. Так как многие из их членов воспитывались здесь.

Определенное разочарование царя в ближайшем окружении (Васильчиков, Кочубей, Строганов, Чарторыйский и другие его молодые друзья) заставило его искать опору в людях, лично ему преданных и не связанных с сановной аристократией. Он приближает к себе сначала, доставшегося ему от отца, «непреклонного» А. А. Аракчеева (кстати, хороший был администратор), а позднее

¹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века., Москва., Высшая школа. 1993.

талантливого М. Б. Барклая де Толли, ставшего в 1810 военным министром, и, наконец, с 1808г. наиболее одаренного и «системно» мыслящего из государственных людей своей эпохи, М. М. Сперанского (1772 – 1839), которому Александр поручил разработку нового проекта государственной реформы. Однако уже в марте 1812г. этот последний был отстранён от дел и сослан в ссылку.

В целом, реформы 1802-1812 гг. не изменили самодержавной сущности политической системы России. Они усилили централизацию и бюрократизацию государственного аппарата. Как и прежде, император обладал верховной законодательной властью.

В последующие годы реформаторские настроения Александра I отразились во введении конституции в Царстве Польском (1815), сохранении сейма и конституционного устройства в Финляндии, присоединённой к России в 1809 г., а также в создании Н. Н. Новосильцевым по поручению царя “Уставной грамоты Российской империи” (1819-1820). В проекте предусматривалось разделение ветвей власти, введение представительных органов, равенство всех граждан перед законом и федеративный принцип государственного устройства. Но все эти предложения остались на бумаге.

При этом вторая половина царствования императора Александра, а именно период после его возвращения в 1815г. из Европы отмечалась все более очевидным сползанием к реакционным позициям, как во внешней политике России, так и во внутренней жизни страны. Это не могло обойти стороной и сферу университетского образования. В 1816г. министр народного просвещения граф А.К.Разумовский, давно просившийся в отставку, был уволен и на его место был назначен князь А.Н.Голицын, а через год министерство народного просвещения было по проекту князя преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения и это соединенное ведомство задалось определенной целью внести в дело просвещения религиозные задачи. Для этого Голицын окружил себя подходящим "личным составом". Это были реакционеры европейской известности типа Стурдзы, ханжи и изуверы типа Магницкого и Рунича, которые сделались попечителями учебных заведений и произвели полный погром только что пущенного в ход при помощи

иностранных профессоров дела просвещения. Вскоре развитию обскурантского направления стала способствовать и реакция в Германии после убийства студентом Зандом писателя Коцебу. В бытность Магницкого сначала ревизором, а потом и попечителем Казанского учебного округа им было уволено 11 из 20 с небольшим профессоров Казанского университета, после чего им было предпринято полное преобразование всего учебного курса и быта университета. Например, курс политической экономии должен был строиться на основе истин Священного писания; студенты превращались в каких-то полукантонистов-полупослушников: их заставляли маршировать, читать и петь хором молитвы, провинившихся сажали в карцер и надевали на них дощечки с надписью "грешник", после чего они должны были приносить покаяние. После Казанского университета очередь оказалась за Харьковским. Там погром по тому же типу был учинен попечителем Карнеевым но в меньших размерах: удален был один из лучших русских профессоров того времени математик Осиповский и выслан за границу профессор Шад. Последний был устранен как последователь опасной философской доктрины - он был шеллингианец - и за свое враждебное отношение к рабству, в т.ч. и в крепостнической его форме. Реакция, однако, не сразу охватила все учебные округа. Например, Петербургский округ какое-то время представлял собой исключение на этом фоне под покровительством своего тогдашнего попечителя, впоследствии министра просвещения в царствие Николая I, С.С.Уварова, который пытался оказывать оппозицию новому направлению и даже провел еще в 1819г. преобразование главного педагогического института в университет. Однако уже в 1820 году уваров вынужден был уступить место бешеному обскуранту Руничу, который начал проводить в Петербурге тоже, что Магницкий в Казани.

Вся эта вакханалия была остановлена только с восшествием на престол Николая I, при котором (уже в самом начале царствования) были отстранены Магницкий, Рунич (главным образом из-за своей близости к Аракчееву), а потом и все прочие действующие лица из перечисленных. При этом, оставшийся первое время

правления Николая, министр народного просвещения Шишков был сам по себе достаточно "добродушным реакционером".¹

Отклики и воспоминания современников.

Эпоха Александра

Отклики современников на основные события этого времени были во многом противоречивы.

Практически в течение всего времени правления Александра I «идеологическое прикрытие» его реформ с позиций монархического либерализма осуществляли в основном сначала либеральные сановники из круга его «молодых друзей» как А. Чарторыйский, Голицын, Строганов, а параллельно с ними такие корифеи культуры как историк Карамзин, поэт Державин и баснописец Крылов. Этому же кругу людей принадлежат и основные отзывы на реформаторские усилия Александровского царствования.

Так один из друзей молодых лет императора – А. Чарторыйский был тем человеком, кто повторял в Европе, вслед за г-жой Де Сталь фразу о том, что «...сам его характер – лучшая конституция для России».

Карамзин же, стоя по существу на умеренно консервативных позициях (так например он в своих докладных записках царю в мае - июне 1811г. - «Записка о древней и новой России»² - выступил с критикой, слишком поспешных по его мнению реформ Сперанского и особенно против проекта практического упразднения Сената и замены его Государственным собранием. Также, уже после войны с Францией, в 1816 и 1818гг. он высказывался за преждевременность «разовой» отмены крепостного права, мотивируя это неготовностью общественного мнения и общественных институтов страны) недвусмысленно выступал против развернувшейся в конце эпохи Александра реакционной вакханалии в российских университетах. Карамзину принадлежит такой

¹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века., Москва., Высшая школа. 1993.

² Прим. автора.

«крылатый» отзыв в духе Вольтера о тогдашнем министре просвещения – выдающемся реакционере - князе А. Голицыне: *«Чем этот человек бездеятельнее, тем он полезнее»*.

Очень позитивно высказывался об Александровских реформах Державин. Его деятельная поддержка этих реформ выразилась и в его вхождении в состав правительства в должности министра просвещения в период 1801-1805гг. Ему принадлежит в частности укоренившаяся в России и в Европе того времени фраза, в которой он назвал Александра I *«ангелом на троне»*.

Значительно более негативно относился к практике реформирования правления в России великий баснописец Крылов. Будучи по дружеской оценке его друзей по своим взглядам «добродушным реакционером», (сторонником «патриархально-либерального» крепостничества¹). Обладая острым умом, он ясно видел несогласованность действий правительства в целом и «расстыковку» отдельных его членов именно наблюдая ситуацию с неуклюжими попытками перетягивания полномочий между Сенатом (оберпрокурор Мордвинов) и, только что созданным по проекту Сперанского, Государственным Советом (председатель – Строганов) при том, что Сперанский активно отстаивал идею наделения дополнительными прерогативами свое детище, а Александр (отчасти под влиянием Аракчеева) все более проникался симпатией к сенаторам, он написал в 1811г. «на злобу дня» свою знаменитую басню *«Лебедь, рак и щука»*.

Мнение декабристов по поводу Александровских реформ общеизвестно. Они считали их в лучшем случае «половинчатыми». Наиболее радикальные из них, как например Рылеев уже к 1821г. пришли к выводу, что «царь в очередной раз просто обольщает нас реформами». Другой «радикал» – Якушкин – заявлял, что *«пока мужик не проснется – толку не будет»*. Наиболее взвешенные и трезвые критические оценки реформ доносились из недр «Северного» общества, возглавлявший которое князь Д. Трубецкой считал Александровские реформы неудачными потому, что они «не имеют импульса снизу». Этот самый импульс конституционно-монархического («Северное» общество во главе с Трубецким и

¹ Авт.

Муравьевым) или республиканского («Южное» общество во главе с Пестелем и Каховским) толка они предполагали придать стране революционным путем.

Среди, как правило, критических, оценок реформ в России, принадлежащих более молодому поколению, сформировавшемуся уже в эпоху правления Александра, особенно выделяются оценки круга лицеистов, разочарование которых было тем сильнее, чем более они в юности испытали увлечение, почти восхищение, самой личностью Александра I, очаровавшего в свое время интеллектуальную европейскую элиту своими манерами и знаниями, умением вести философскую беседу, поддержать самый тонкий, и изощренный разговор! Естественно тем желчнее, тем личностнее, становились их суждения, достигая максимальной сатирической отточенности в знаменитых (стоявших ему высылки на юг) эпиграммах Пушкина, в одной из которых о царе говорилось:

<i>«... властитель слабый и лукавый,</i>	<i>нечаянно пригретый славой,</i>
<i>плешистый деспот, враг труда,</i>	<i>над нами царствовал тогда...»</i>

Однако надо отдать должное поэту, уже в зрелом возрасте он нашел в себе силы не только переосмыслить воззрения молодости, но и увековечить этот свой новый взгляд, на фигуру Александра, в своей знаменитой «Оде на 25-ю годовщину основания Царскосельского Лицея»:

<i>«Друзья..., так выпьем за царя.</i>	<i>Но вспомним мы его, не зря,</i>
<i>Он человек и раб страстей</i>	<i>Он взял Париж, он основал Лицей».</i>

Эпоха Николая

Показания декабристов, данные во время следствия, открыли перед Николаем широкую панораму российской жизни со всеми ее неустройствами. Он приказал составить свод из этих показаний, держал его в своем кабинете и часто к нему обращался. Много из того, о чем говорили декабристы, ему приходилось признать справедливым.

Вскоре после воцарения Николай удалил Аракчеева. Это, однако, не означало конец аракчеевщины. Многие люди, выдвинутые Аракчеевым, оставались при должностях и пользовались доверием Николая. Аракчеевские традиции были сильны до конца его царствования.

Тем не менее в первые годы правления в числе ближайших сподвижников Николая оказался ряд крупных государственных деятелей. Это прежде всего М.М.Сперанский, П.Д.Киселев и Е.Ф. Канкрин. С ними связаны главные достижения николаевского царствования.

Оставив мечты о конституции, Сперанский теперь стремился к наведению порядка в управлении, не выходя за рамки самодержавного строя. Он считал, что эту задачу невозможно решить без четко составленных законов. Со времени Соборного уложения 1649 г. накопились тысячи манифестов, указов и “положений”, которые друг друга дополняли, отменяли, противоречили один другому. Отсутствие свода действующих законов затрудняло деятельность правительства, создавало почву для злоупотреблений чиновников. 19 января 1833г. “Свод законов” был одобрен Государственным советом. Николай 1, присутствовавший на заседании, снял с себя орден Андрея Первозванного и возложил его на Сперанского.

В первые годы своего царствования Николай не придавал большого значения крестьянскому вопросу. Постепенно, однако, царь и его ближайшее окружение приходили к мысли, что крепостное право таит в себе опасность новой пугачевщины, что оно задерживает развитие производительных сил страны и ставит ее в невыгодное положение перед другими странами - в том числе и в военном отношении.

Разрешение крестьянского вопроса предполагалось вести постепенно и осторожно, рядом частичных реформ. Первым шагом в этом направлении должна была стать реформа управления государственной деревней. В 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ, которое возглавил П.Д. Киселев. Это был боевой генерал и деятельный администратор с широким кругозором. В 1837-1841 гг. Киселев добился проведения ряда мер, в результате которых удалось упорядочить управление государственными крестьянами. В их деревнях стали открываться школы, больницы, ветеринарные пункты. Малоземельные сельские общества переселялись в другие губернии на свободные земли.

Недовольство помещиков и “картофельные бунты” вызвали в правительстве опасение, что с началом отмены крепостного права придут в движение все классы и сословия огромной страны. Именно роста общественного движениям больше всего

боялся Николай. В 1842г. на заседании Государственного совета он сказал: “Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для, всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным”.

Незадолго до своей кончины Александр назначил на пост министра финансов известного ученого-экономиста Егора Францевича Канкрин. Убежденный консерватор, Канкрин не ставил вопрос о глубоких социально-экономических реформах. Но он трезво оценивал возможности экономики крепостной России и считал, что правительство должно исходить именно из этих возможностей. Главной своей задачей Канкрин считал упорядочение денежного обращения. В 1839г. его основой стал серебряный рубль. Затем были выпущены кредитные билеты, которые можно было свободно обменивать на серебро. Канкрин следил, чтобы количество находящихся в обращении кредитных билетов в определенной пропорции соответствовало государственному запасу серебра (примерно шесть к одному). Денежная реформа Канкрин (1839-1843) оказала благоприятное влияние на экономику России способствовала росту торговли и промышленности.

Кодификация законов, реформа управления государственными крестьянами; и денежная реформа таковы основные достижения николаевского царствования. С их помощью Николаю I к концу 30-х годов удалось укрепить свою Империю.

Наиболее классическую характеристику николаевского царствования и созданной им системы управления дал Герцен, который определил ее как «превосходно организованный беспорядок».

Историк Грановский, в своих знаменитых лекциях по истории древнего Рима, прочтенных им в Московском университете в 1849-1850-х. годах проводил недвусмысленные параллели между нравами эпохи Николая и Рима последних императоров из династии Юлиев-Клавдиев (Калигула, Клавдий, Нерон) в период 37-68гг. н.э.

В 30-х годах оценка «реформ» Николая Павловича давалась в основном на уровне этико-эстетических обобщений, которые были сделаны в таких гениальных произведениях как «Ревизор» и «Мертвые души» Гоголя, «Герой нашего времени»

Лермонтова. Историко-художественная попытка осмысления истоков Российского самовластия и русского бунта («бессмысленного и беспощадного») была, еще ранее, сделана в «Капитанской дочке» Пушкина.

Наибольшим количеством личных свидетельств со стороны либерально-демократически настроенных современников царствования Николая I мы располагаем применительно с конца 20-х годов. Это воспоминания таких известнейших личностей как Полежаев, Герцен, Белинский, Огарев, Лермонтов, Гончаров. Все они поступили в университет в период 1827-1830гг. и в своих мемуарах, равно как и во всем своем творчестве, эти люди оставили достаточно глубокие и подробные описания студенческой жизни и состояния университетского образования своего времени. При этом все эти воспоминания относятся почти исключительно к Московскому университету, который был в начале царствования Николая признанным плотом свободомыслия и хранителем либеральных и даже демократических интеллектуальных традиций и форм внутреннего устройства.

Например, вот что пишет об этом Герцен. "Сильно возбужденная деятельность ума в Петербурге, после Павла мрачно замкнулась 14 декабря. Явился Николай с пятью виселицами, с каторжной работой, белым ремнем и голубым Бенкендорфом.

Все пошло назад, кровь бросилась к сердцу, деятельность, скрытая наружи, закипала, таясь внутри. Московский университет устоял и начал первый вырезываться из-за всеобщего тумана. Государь его возненавидел с полежаевской истории. Он прислал А.Писарева, генерал-майора "Калужских вечеров", попечителем, велел студентам одеть в мундирные сюртуки, велел им носить шпагу, потом запретил им носить шпагу; отдал Полежаева в солдаты за стихи, Костенецкого с товарищами за прозу, уничтожил Критских за бюст, отправил нас в ссылку за сенсимонизм, посадил князя Сергея Михайловича Голицына попечителем и не занимался больше этим "рассадником разврата", благочестиво советуя молодым людям...не вступать в него... .

....Но несмотря на это опальный университет рос влиянием, в него, как в общий резервуар вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков захваченных у домашнего очага, приходили к одному

уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее.

До 1848 года устройство наших университетов было чисто демократическое. Двери их были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен, и не был ни крепостным, ни крестьянином, не уволенным своей общиной. Николай все это искажил; он ограничил прием студентов, увеличил плату своекоштных и дозволил избавлять от нее только бедных дворян."¹

И далее Герцен описывает ту разномастную и разношерстную публику, которая вливалась в конце 20х - начале 30х годов в ряды московского университетского братства, и делает принципиальный акцент на демократизме и бессословности внутренней жизни современного ему Московского университета, и проводит параллель с кастовостью университетского образования в Англии. Сравнение - по Герцену - получается не в пользу последней. "Студент, который вздумал бы у нас хвастаться своей *белой костью*² или богатством. Был бы отлучен от "воды и огня", замучен товарищами".³

Надо сказать, что Герцен был беспощаден в своей оценке сановников Николаевского правительства, и потому некоторые его характеристики безусловно пристрастны. Вот его реплика по поводу Министра народного просвещения графа С.С.Уварова: "Второй "знаменитый" путешественник⁴ был тоже в некотором смысле "Промифей наших дней", только что он свет крал не у Юпитера а у людей. Этот Промифей, воспетый не Глинкою, а самим Пушкиным в «Послании к Лукуллу», был министр народного просвещения С.С.(еще не граф) Уваров. Он удивлял нас своим многоязычием и разнообразием всякой всячины, которую знал; настоящий сиделец за прилавком просвещения. Он берег в памяти образчики всех наук, их казовые концы или, лучше, начала.... . Вроде патента он носил в кармане письмо от Гете, в котором Гете ему сделал прекуръезный комплимент, говоря: "Напрасно извиняетесь Вы в

¹ Герцен А.И. Былое и думы., М., Государственное издательство художественной литературы (в 3х томах), 1958., т.1.

² Курсив Герцена (авт.)

³ Тот же источник

⁴ Под первым путешественником в тексте источника понимается А. Гумбольдт. (автор.)

вашем слоге: вы достигли до того, до чего я не мог достигнуть, - вы забыли немецкую грамматику".¹

В несколько ином ключе, без полемизма, (со значительно меньшим социально-политическим заострением) расставлены акценты в "Воспоминаниях" Гончарова, написанных в начале 70-х годов XIX века. В этих "Воспоминаниях" мы видим университетскую жизнь представленной более описательно, подробно и, пожалуй, беспристрастнее, чем в "Былом и думах" Герцена.

"Мы, юноши, полвека тому назад смотрели на университет как на святилище и вступали в его стены со страхом и трепетом. Я говорю о московском университете, на котором, как на всей Москве, по словам Грибоедова, лежал особый отпечаток.... Наш университет в Москве был святилищем не для одних нас, учащихся, но и для их семейств. И для всего общества. Образование, вынесенное из университета ценилось выше всякого другого. Москва гордилась своим университетом, любила своих студентов, как будущих своих полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества. Студенты гордились своим званием и дорожили занятиями, видя общую к себе симпатию и уважение..... . Эти симпатии вливали много тепла и света в жизнь университетского юношества".² И далее, касаясь самого процесса преподавания писатель вспоминает: "Программы, инструкции бессильны против свободы науки. Сжатая в учебных классах, как река в тесных берегах, она с университетских кафедр изливалась широким и вольным потоком. Между профессором и слушателями устанавливается живой ток передачи жадному вниманию их ее откровений, истин, гипотез. Этой свободы не дают или не давали ... другие из высших гражданских, военных или духовных заведений." Также оставляет нам Гончаров и целый ряд зарисовок по поводу тех или иных деятелей, как из среды самого университета, так и из числа тех, кто по роду своей деятельности и положению имел непосредственное отношение к его делам и мог вполне влиять на них. И тут в частности его замечания и оценки зачастую расходятся со ставшими у нас хрестоматийными оценками того же Герцена. Так в связи с историей своей сдачи приемных экзаменов на филологический факультет, на которых неожиданно для абитуриентов, за четыре месяца до экзаменов,

¹ Герцен А.И. Былое и думы., М., Государственное издательство художественной литературы (в 3х томах), 1958., т.1.

² Гончаров И.А. Собрание сочинений., Воспоминания., М., Изд. "правда", 1952., т.7.

был введен греческий язык в качестве проходного предмета он, отмечая свою скромную подготовку и добродушный прием экзамена профессором в комиссии (это был известный эллинист - С.М.Ивашковский), пишет в частности: "После же я услышал, что начальство не желало затруднять вступления в университет из-за греческого языка и предоставило экзаменоваться из последнего снисходительно, так как его включили в программу вступительного экзамена поздно. И, слава богу: умное было начальство - спасибо ему. Тогда министром был С.С. Уваров".¹

Лучшие люди.

А вот как описывает Гончаров своих знаменитых современников, бывших его сокурсниками или просто современниками в университете. "Нас, первогодичных, было помнится человек сорок. Между прочим, тут был и Лермонтов, тогда смуглый, одутловатый юноша с чертами лица как будто восточного происхождения, с черными выразительными глазами. Он казался мне апатичным, говорил мало и сидел всегда в ленивой позе, полулежа, опершись на локоть. Он не долго пробыл в университете. Я не успел познакомиться с ним." Как видим и здесь мы имеем несколько не каноническое описание выдающегося поэта в юности. С некоторыми из знаменитых современников судьба не свела автора "Воспоминаний" даже визуально. "Перед нами были Герцен и Белинский в университете, но когда мы перешли на второй курс - их уже не было." (Герцен был к тому времени уже арестован им выслан в Вятку.²)

А вот совершенно блестящие замечания Гончарова по поводу преподавательского корпуса и самого духа образования в университете. "Личный состав наших профессоров был очень удачный, с малыми, едва заметными исключениями. Первым считали мы и по старшинству и по достоинству - упомянутого декана, М.Т.Каченовского. это был тонкий аналитический ум, скептик в вопросах науки и отчасти. Кажется во всем. При этом строго справедливый и честный человек. Он читал русскую историю и статистику, но у него была масса познаний по всем

¹ Тот же источник.

² Авт.

частям. Он знал древние и новые языки, иностранные литературы, но особенно обширны были его познания в истории и во всем. Что входило в ее сферу - археология и проч. И томил же он нас подробностями происхождения одних народов и племен от других!", и далее: "Когда он касался излюбленного им вопроса о различии происхождения северных и южных русинов, или вообще какого-нибудь спорного в истории вопроса, щеки его, обыкновенно бледные, загорались алым румянцем и глаза блистали сквозь очки, а в голосе слышался задор прежнего редактора "Вестника Европы"..... Он терпеть не мог никаких мифов в истории и начинал лекции русской истории с Владимира, предупредив нас . что не станет повторять басен, которые мы слышали в школе, например об оригинальном мщении Ольги за смерть Игоря, о змее, ужалившей Олега, о кожаных деньгах - особенно о кожаных деньгах. Как теперь помню его подлинные слова: "Как мог Карамзин, человек с необыкновенным умом допустить, чтобы могли быть в обращении кожаные клочки, не обеспеченные никакой гарантией!".... Он отвергал также подлинность "Слова о полку Игоревом", считая его позднейшей подделкой, кажется XIV века, о чем однажды вошел в горячий спор с Пушкиным, которого привез на лекцию министр Уваров". (И здесь мы отмечаем неявное воздаяние должного, заклеяменному не единожды всей прогрессивной российской общественностью, николаевскому министру, изобретателю формулы "Православие - Самодержавие - Народность", за его явные культуртрегерские усилия.)

Далее Гончаров приводит совершенно чудесное описание запомнившейся ему на всю жизнь встречи с Пушкиным в стенах университета. Вот оно. "Когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадущем обаянии от его поэзии; я питался ею как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня, как благотворный дождь падали строфы его созданий ("Евгения Онегина", "Полтавы" и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование. Перед тем однажды я видел его в церкви, у обедни - и не спускал с него глаз. Черты его лица врезались у меня в памяти. И вдруг этот гений, эта слава и гордость России - передо мной в пяти шагах! Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы. "Вот вам теория искусства, - сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, - а вот и самое искусство", - прибавил он,

указывая на Пушкина. Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о "Слове о полку Игоревом", разговор. Который мало по малу перешел в горячий спор. "Подойдите ближе, господа, - это для вас интересно", - пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. Не умею выразить, как велико было наше наслаждение - видеть и слышать нашего кумира. Я не припомню подробностей их состязания, помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Может быть к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным. Пушкин говорил с увлечением, но к сожалению тихо, сдержанным тоном, так что за толпой трудно было расслышать. Впрочем, меня занимал не Игорь а сам Пушкин». И далее: «С первого взгляда наружность его казалась невзрачной. Среднего роста, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица. Только когда взглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах. Которое потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождавших его речь была сдержанность светского, благовоспитанного человека. Лучше всего по моему напоминает его гравюра Уткина с портрета Кипренского. Во всех других копиях у него глаза сделаны слишком открытыми, почти выпуклыми, нос выдающимся - это неверно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорциональная лицу, голова, с негустыми кудрявыми волосами."¹ (Нет ли в этом живом описании неуловимости пушкинской природы переключки с одним из новейших исследований, которое доказывает, что практически ни один из имеющихся портретов Пушкина не передает его подлинной внешности.²)

Нравы.

На этот счет достаточно подробные сведения мы можем почерпнуть и из воспоминаний Лермонтова о его годах студенческой жизни в Московском

¹ Гончаров И.А. Собрание сочинений., Воспоминания., М., Изд. "правда", 1952., т.7.

¹ Прим. автора.

² В. Безъязычный, В. Гурьянов, Новое о студенческих годах Лермонтова., газета "Московский университет" М., 1964., № 61.

университете. Надо сразу отметить, что будущий великий поэт России, помимо поверхностно наблюдаемой, не знавшими его близко, современниками (как в вышеописанном наблюдении Гончарова) апатичности, отличался крайней независимостью суждений в сочетании с изрядной амбициозностью и романтической предрасположенностью характера. Так однажды на вопрос профессора изящной словесности Победоносцева (отец будущего воспитателя Александра III) Лермонтов начал уверенно отвечать с полным знанием дела. Но профессор был недоволен и, прервав его, заметил, что он не читал на своих лекциях того, о чем говорит студент. Лермонтов спокойно возразил ему на это, что профессор и не мог сообщить им на лекции того, о чем он только что говорил, так как все это слишком ново и до него еще не дошло, а что он пользуется источниками из своей собственной библиотеки, снабженной всем современным. Подобные сцены происходили у поэта и с другими профессорами. Вместо того, чтобы слушать их лекции он приносил с собой книгу, усаживался всегда на одно и то же место, в углу аудитории, и, облокотясь на локоть, погружался в чтение... Некоторые лекции, как например священника Терновского, он не посещал вовсе. А вскоре забросил и многие другие. За то с интересом занимался по английской словесности у профессора Гарвея и имел по английской литературе высший балл.¹

После увольнения поэта между студентами ходили в списках его стихи (или только ему приписывавшиеся), обращенные к московскому университету

"Хвала тебе, приют лентяев,
Хвала, ученья дивный храм,
Где цвел наш бурный Полежаев,
На зло завистливым властям!
Хвала и вам, студенты-братья"....

Или не менее проникновенно и ностальгически:

". . . .Святое место! помню я как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их сюртуки, висящие клочками"....²

¹ Лермонтов М.Ю., М., Университет., ПСС., т.3.

Среди молодежи существовал культ дружбы. Он имел вполне объяснимые социальные корни. Это было желание объединиться, потеснее сплотиться среди во многом чуждого и враждебного мира. «Дружеский кружок бы своего рода оазисом среди фамусовской Москвы».¹

При формировании кружка большую роль играло личное обаяние того или иного студента. Такие талантливые юноши как Полежаев, Герцен, Огарев, Белинский, Лермонтов, Хомяков, Аксаков, Грановский, притягивали к себе молодежь. Между кружками не было резкого деления. Одни и те же лица посещали разные кружки. Это были небольшие группы старых школьных товарищей, семейных знакомых, соседей по университетской скамье. В некоторых из этих кружков решительный перевес с какого-то момента получали общественно-политические интересы (как это произошло в кружке Герцена-Огарева с 1832 года, а еще ранее в кружке Полежаева), в других превалировали философско-эстетические и историко-культурные вопросы. Самый живой обмен мнениями и полученными знаниями шел рядом с болтовней и шутками. Не было ничего нового в области науки, литературы, искусства, что бы ни стало известно кому ни будь из членов кружка и не сделалось достоянием остальных.

В общежитии при университете, которое служило прибежищем для бедняков, студентов-разночинцев, жил будущий великий критик Белинский, в то время казеннокоштный студент словесного отделения. Бытовые условия были ужасны. Многолюдство мешало работать. "Теснота, толкотня, крик, шум, споры; один ходит, другой играет на гитаре, третий - на скрипке, четвертый читает вслух - словом кто во что горазд! Извольте тут заниматься!" - жаловался Белинский в письме к родителям. "Пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть".² Но всего мучительнее было грубое обращение начальства. В том же письме Белинский рассказывает как его "бранил" и обещал выгнать из университета ректор, как ругал и грозил отдать в солдаты инспектор.

¹ Иванова Т., Юность Лермонтова, М., Советский писатель, 1957.,

² Белинский В.Г. ПСС., т.11. М., Изд. АН СССР, 1956.

Однако, несмотря на трудные бытовые условия, в студенческих общежитиях царила напряженная умственная жизнь. Здесь существовали все те же разносторонние интересы, что и в кружках своекоштных. Эти бедные, но гордые юноши особенно страстно возмущались деспотизмом, критиковали религию, высказывали резкие суждения о церковных обрядах и таинствах. С особым увлечением здесь читали и перечитывали списки запрещенной литературы. С интересом следили за выходом каждого нового журнала. С восторгом встречали каждое новое стихотворение Пушкина, декламировали "Горе от ума", спорили о романтизме.

Радикально настроенная молодежь в те годы, как и позднее, под словом романтизм понимала все живое, новое и тянулось к этому новому, и а под словом классицизм все старое и отжившее.

Белинский был типичным представителем этой части московской разночинной молодежи тридцатых годов. "Мученик своих сомнений и мыслей, энтузиаст и поэт в диалектике, оскорбленный всем, что его окружало, он таял в муках. Этот человек трепетал от негодования и содрогался при бесконечном зрелище русского самодержавия."¹ Таков был этот человек по своему внутреннему складу, каким его знал Герцен уже в начале 40х годов прошлого века в Москве, сам к тому времени вернувшийся из своей первой ссылки и стоявший на пороге последнего, и самого плодovitого российского отрезка своего жизненного пути.

О прелестях повторяемости

Как видим, жизнь России в 20^х и начале 30^х годов прошлого века проходила с одной стороны под знаком массивированного наступления реакционных сил русского общества и непосредственно самого правительства (в эпоху конца царствования Александра и начала правления Николая) на идеологическом фронте, и в сфере организации народного просвещения; а с другой она характеризовалась постепенным и необратимым совершенствованием процессов социального познания, качественным ростом культурных интересов (на фоне общего развития либеральных настроений в обществе и среди наиболее продвинутых представителей профессорско-

¹ Герцен А.И. ПСС., т.6. М. Изд. АН СССР, 1959.

преподавательского корпуса), и демократических настроений в среде студенчества. Такое положение не могло не сказаться на формировании взглядов целого поколения, которые мы разбираем во многом на материале воспоминаний наиболее интересных из выпускников Московского университета, с одной стороны наиболее классически сформированного и обладавшего школой преподавания вполне на уровне европейских стандартов того времени, а с другой наиболее глубоко зараженного «духом якобинства».

Наивный радикализм в среде наиболее передовых и оригинальных представителей студенчества мы видим, в воспоминаниях Герцена, Белинского, Лермонтова, и Гончарова, как неизбежную реакцию ухода революционной мысли "под лед" после "изъятия" декабристов.

С другой стороны мы видим и то, как различаются подходы и акценты современников в их воспоминаниях, в зависимости от их мировоззренческих позиций, сословных пристрастий и степенью вовлеченности в общественное движение. Особенно заметные различия мы наблюдаем между, почти всегда политизированными, оценками Герцена и нейтрально-доброжелательными, и притом достаточно глубокими даже на бытописательском уровне, заметками Гончарова. Романтический слог лермонтовской музыки гораздо глубже передает подспудные надежды эпохи, нежели критический запал Белинского. Последний же дает хрестоматийное представление о этапности становления классического революционного демократа - разночинца первой половины XIX века.

В целом оценка ситуации тех лет, и сопровождавшее этот период состояние в обществе, особенно в плане тенденций его последующего развития, невольно способна наводить на мысли об некоторых аналогиях из истории современной России. Параллели становятся, в частности, очевидными и в части удорожания образования для «своекоштных» студентов, сопровождавшееся одновременным сокращением количества «казеннокоштных».

По прежнему актуально звучит, гениально озвученная впоследствии Салтыковым-Щедриным, герценовская оценка тогдашней «вертикали власти». В полной

силе и аллюзии Грановского. В большинстве университетов квакопатриотическое мракобесие и ныне прочно оккупировало социально-гуманитарные кафедры. А вот как того студенчества (*in corpore*), так и самих Герценов с Огаревыми нам кажется ждать еще долго.

Литература.

1. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века., Москва., Высшая школа. 1993.
2. Герцен А.И. Былое и думы., М., Государственное издательство художественной литературы (в 3х томах)., 1958. Т.1.
3. Гончаров И.А. Собрание сочинений., Воспоминания., М., Изд. "правда"., 1952., т.7.
4. В. Безъязычный, В. Гурьянов, Новое о студенческих годах Лермонтова., газета "Московский университет" М., 1964., № 61.
5. Лермонтов М.Ю., М., Университет., ПСС., т.3.
6. Иванова Т., Юность Лермонтова., М., Советский писатель., 1957.
7. Белинский В.Г. ПСС., т.11. М., Изд. АН СССР, 1956.
8. Н.А.Троицкий "Лекции по русской истории XIX века", Киев, Світоч 1987.